

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Р. З. Мурысов

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Дается анализ грамматических особенностей местоимений в некоторых индоевропейских (латинском, русском, английском, немецком, французском) и тюркских (башкирском, татарском) языках. Автор показывает несостоятельность латинского термина *pronomen*, который заимствован всеми романскими и германскими языками и который в лингвистических исследованиях признан неудачным и обусловил появление новых терминов: *pro-forms* в английском, *Pro-Formen* и *Pro-Wörter* в немецком и т. д. Представлены парадигматические характеристики личных местоимений в каждом из сопоставляемых языков, выявлены грамматические оппозиции в деklinационной парадигме: прямой падеж : косвенные падежи, прямой объект : косвенный объект, в категории числа существенные различия между языками при образовании форм множественного числа от местоимений 1-го и 2-го лица, с одной стороны, и 3-го лица — с другой. Особое внимание уделяется употреблению личных местоимений с личными формами глагола в разных временных парадигмах, а именно демонстрации сходств и различий в их обязательном и факультативном употреблении. Автор констатирует, что латинский и французский языки образуют два крайних, противоположных полюса. С одной стороны, в глагольных парадигмах английского и французского языков доминируют омонимичные формы, отнесенность которых к тому или иному лицу может быть установлена только в сочетании с личным местоимением, однозначная предсказуемость лица флексиями личных форм глагола в латинском — с другой.

Ключевые слова: *полевая структура частей речи, уровневый статус местоимений, парадигматика местоимений, обязательность — факультативность личных местоимений.*

Полевая структура является ингерентным свойством системы частей речи, в которой выделяются классы слов, соответствующие всем трем выработанным в лингвистической науке критериям: 1) наличие обобщенного семантического признака, 2) общность морфологических категорий и 3) идентичные синтаксические функции в предложении. Однако не всем классам слов, названным в традиционной грамматике частями речи, присущи данные признаки.

Всеми вышеперечисленными признаками обладают две части речи, образующие ядро системы частей речи, — имя существительное и глагол, вокруг которых группируются другие части речи. К периферийной зоне системы относятся те группировки слов, которые либо характеризуются неполным набором указанных выше признаков, либо им не присущ ни один из них. Например, в рамках дальней периферийной зоны системы частей речи, а именно междометий и онамотопов (звукоподражательных слов), не может быть использован ни один из критериев [6].

Между ядром и периферийной зоной частей речи промежуточную зону образуют такие классы слов, при выделении которых не может быть использован весь комплект признаков. Ближе всех

к ядру расположены прилагательные, категориальным семантическим признаком которых является признаковость. Имеется у данной части речи также грамматическая категория, присущая именно ей, — категория степеней сравнения. Однако в морфологическом отношении данная часть речи полностью зависима от парадигматики определяемого существительного.

В данной статье анализируются личные местоимения в некоторых индоевропейских (латинском, русском, английском, немецком, французском) и тюркских (башкирском, татарском) языках. Сразу подчеркнем, что латинский термин *pronomen* (англ. *the pronoun*, нем. *das Pronomen*, фр. *pronom*) не отражает диапазон функций данной части речи. Грамматический термин *местоимение* в русском языке представляет собой морфонологически модифицированную кальку латинского термина *pronomen* (*pro* — «за, вместо» и *nomen* — «имя»). В лингвистических исследованиях XX в. данный термин был признан неудачным и в ряде грамматических исследований вместо него были предложены термины *pro-forms* в английском языке, *Pro-Form*, *Pro-Wörter* — в немецком, *pro-forme* — во французском, так как представители данной части речи могут замещать (заменять) в тексте

не только имена существительные, но и словосочетания, предложения и целые отрывки текста [См. об этом: 9; 11—16 и др.].

Удачным представляется используемый в тюркологии для обозначения данной части речи термин *алмашлык* (заместитель, заменитель) [3; 8], так как он не соотносится с какой-либо конкретной частью речи или языковой единицей, а носит универсальный характер.

Личные местоимения образуют наиболее бесспорный разряд, выделяемый в рамках данной части речи. Они также не соответствуют термину *pronomen*, исключения составляют местоимения 3-го лица ед. числа: *es* — в немецком, *it* — в английском, *ce il* — во французском языке; они могут быть заместителями как конкретного существительного, так и словосочетаний, предложений, отрывков текстов. Личные местоимения высокочастотны в речи, ср.:

• *рус.* — Ну-с, чем я вам могу быть полезен? (Булгаков);

- *англ.* “Well sir, and what can I do for you”;
- *нем.* „Nun, womit kann ich Ihnen dienen?“;
- *фр.* — Eh bien, en quoi puis-je vous être utile?

В отличие от других разрядов личные местоимения характеризуются следующими грамматическими (парадигматическими) особенностями, свойственными только им:

1. Специфическая падежная парадигма, которая не совпадает с таковой других именных частей речи.

2. Падежная парадигма включает супплетивные формы в оппозиции «именительный (номинативный) падеж : косвенные падежи» в латинском, русском и немецком языках и «прямой падеж : объектные падежи» в английском и французском языках; ср. *лат.* *ego* «я»: *mei* «(у) меня», *mihi* «мне», *te* «меня»; *de te* «обо мне», *tecum* «со мною».

3. Грамматическая оппозиция по родовому признаку в 3-м лице ед. ч. в русском, немецком и французском языках и отсутствие подобной оппозиции в английском языке.

4. Наличие в английском языке оппозиции местоимений 3-го лица ед. ч. по признаку «одушевленность — неодушевленность» (*he/she* : *it*) и в рамках одушевленности оппозиции «лицо мужского пола : лицо женского пола» (*he* : *she*).

5. Полный супплетивизм форм оппозиции «ед. ч. : мн. ч.» (*лат.* *ego* : *nos*, *tu* : *vos*; *рус.* я : мы, ты : вы; *англ.* I : we, *he/she/it* : they; *нем.* *ich* : wir, *du* : ihr, *er/sie/es* : sie; *фр.* *je* : nous, *tu* : vous. Формы 3-го лица ед. и мн. ч. в русском и французском

языках образуются от общей основы: *рус.* он/она/ оно : они, *фр.* *il/elle* : ils/elles.

6. Если в русском, английском и немецком языках родовые различия местоимений 3-го лица во мн. ч. нейтрализуются, то во французском оппозиция по роду сохраняется, ср. *il* «он» : *ils* «они» и *elle* «она» : *elles* «они».

7. Личные местоимения обладают особым коммуникативным потенциалом: вне контекста им несвойственна денотативная соотнесенность, и они представляют собой дискурсивно обусловленные коммуникативно-вариабельные единицы языка.

Следует подчеркнуть также когнитивные различия между формами мн. ч. существительных и местоимений. Если форму мн. ч. существительных можно представить в виде формулы «ученик₁ + ученик₂ + ученик₃ + ученик_n = ученики», то подобная формула неприменима к личным местоимениям *«я₁ + я₂ + я₃ + я₄ + я_n = мы». Множественное число, например, местоимения *мы* может иметь формулы «я + ты = мы», «я + ты + он/она + вы + они = мы» и т. п. Варианты последних формул зависят от количества участников коммуникативного акта и обсуждаемых лиц. Личные местоимения мн. ч. могут выражать неопределенное количество людей, что может быть определено в контекстах.

В отдельных языках имеются свои парадигматические особенности личных местоимений. Например, в русском языке в падежной парадигме личных местоимений сохраняется, как и в субстантивной парадигме, шестичленная структура; в английском языке падежная система личных местоимений представлена двухчленной структурой: *he* — *him*, *she* — *her* и другие; в немецком языке сохраняется четырехчленная падежная парадигма: *ich* — *mein*, *meiner* (устар.) — *mir* — *mich*. Специфика латинского языка состоит в наличии в падежной парадигме вариантных форм, ср. *nos* «мы» — *nostri/nostrium* «у нас», *vos* «вы» — *vestri/vestrum* «у вас».

Приводим таблицу склонения личных местоимений в русском, латинском, английском и немецком языках (табл. 1).

Во французском языке нет морфологической категории падежа. Однако формы личных местоимений противопоставлены друг другу по двум признакам: 1) приглагольное (зависимое) употребление личных местоимений (*je travail* «я работаю», *j'écris* «я пишу») и автономное (независимое) употребление в предложении (*qui est là* «кто там?» — *C'est moi* «это я»); 2) некоторые различия в их употреблении в качестве прямого и косвенного дополнения (табл. 2).

В отличие от других индоевропейских языков, в которых противопоставление местоимений 3-го лица во мн. ч. по родовому признаку отсутствует, во французском языке сохраняются различия между формами мужского и женского рода в зависимости, во-первых, от того, употребляется местоимение в субъектной или объектной функции, и, во-вторых, от того, является данное местоимение прилагательным или автономным. Имеются определенные коммуникативные различия в употреблении прилагательных (зависимых) и автономных форм личных местоимений. Автономные личные местоимения *moi, toi, lui, soi, nous, vous, eux, elles* употребляются при необходимости логического выделения подлежащего:

C'est moi qui suis arrivé le premier (Это я пришел первый). Ср. далее:

- *рус.* — Бывают среди них маги... и убийцы, — говорил монотонно прокуратор, — а попадают и лгуны. *Ты*, например, лгун (Булгаков).

- *фр.* — *Parmi eux, il y a des mages... Et il y a aussi des menteurs. Toi, par exemple, tu es un menteur.*

Специфика латинского языка состоит в том, что в нем нет специального личного местоимения 3-го лица. Данную функцию выполняют указательные местоимения: *is* «тот, он», *ille* «тот», *iste* «этот», *ipse* «сам», — которые образуют оппозиции по родам: *ille* «тот» : *illa* «та» : *illud* «то» — и сохраняют родовые оппозиции во мн. ч.: *illī* (от *illa*) : *illā* (от *illud*) [7].

Таблица 1

Падежные парадигмы личных местоимений

Падежи	Русский язык		Латинский язык		Английский язык		Немецкий язык	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Номинатив (им. п.)	я, ты, он, она, оно	мы, вы, они	ego, tu	nos, vos	i, he, she, it	we, they	ich, du, er, sie, es	wir, ihr, sie
Генитив (род. п.)	(у) меня, (у) тебя, (у) него, его	(у) нас, (у) вас, (у) них	mei, tui, sui	nostrum/ nostri, vestrum/ vestri	his, her, its	their	mein, dein, sein/ihrer (устар.)	unserer, eurer, ihrer (устар.)
Датив (дат. п.)	мне, тебе, ему/ей	нам, вам, им	mihi, tibi, sibi	nobis, vobis	me, him/her	us, them	mir, dir, ihm ihr	uns, euch, ihnen
Аккузатив (вин. п.)	меня, тебя, себя	нас, вас, их	me, te, se	nos, vos	me, him, her, it	us, them	mich, dich, ihn, sie, es	uns, euch, sie
Творительный падеж	мною, тобой, (с) ним, им (с) ней, ею	нами, вами, (с) ними, ими	—	—	—	—	—	—
Аблятив	—	—	me, te	nobis, vobis	—	—	—	—
Предложный падеж	(обо) мне, (о) тебе, (о) нем, о ней	(о) нас, (о) вас, (о) них	—	—	—	—	—	—

Таблица 2

Прилагательные местоимения и независимые местоимения

	Прилагательные местоимения						Независимые местоимения	
	Подлежащее		Прямое дополнение		Косвенное дополнение		ед. ч.	мн. ч.
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.		
1-е лицо	Je	mous	me	nous	me	nous	moi	nous
2-е лицо	Tu	vous	te	vous	te	vous	toi	vous
3-е лицо	il elle	ils elles	le la	se	lui	se	lui elle	soi elles

Примечание: таблица заимствована из кн. [1].

Одной из особенностей склонения личных местоимений в латинском языке является то, что к форме аблятива присоединяется предлог *cum* и образует с ней единую словоформу: *tecum* «со мной», *tecum* «с тобой», *nobiscum* «с нами», *vobiscum* «с вами». Аналогичное явление наблюдается также в некоторых тюркских языках. Так, в казахском языке творительный падеж (қомектес) как существительных, так и местоимений образуется путем присоединения к их основам алломорфов *-мен/-бен/-пен* (от *менен* «с»): *менимен* «со мной», *сенимен* «с тобой», *бизбен* «с нами», *алармен* «с ними». Данные алломорфы восходят к союзам *мен, бен, пен* «и», служащим «для соединения двух слов в предложении, и образуются таким же образом, как и творительный падеж имени существительного» [2. С. 250].

Если грамматическую категорию понимать как тот или иной обобщенный семантический признак, репрезентируемый в языке системой морфологических средств, образующих словоизменительную парадигму, состоящую минимум из двух противопоставленных друг другу форм одного и того же слова, то личные формы глагола характеризуются в разных языках неодинаковой степенью последовательной выраженности. Сравнительно-сопоставительное изучение индоевропейских и тюркских языков приводит к выявлению следующей закономерности: употребление личных местоимений и личных форм глагола взаимосвязано; чем четче противопоставлены флексии словоформ, тем факультативнее употребление глаголов в сочетании с личными местоимениями, и, наоборот, чем больше омонимичных звеньев в парадигме, тем облигаторнее употребление личных местоимений [5]. Идеальная словоизменительная парадигма в системе спряжения глаголов характерна для латинского языка, презентных форм русского языка, а также личных форм для глаголов в тюркских языках; ср. *orño* «я украшаю» — *orñas* «ты украшаешь» — *ornat* «он украшает»; для латинского языка характерно отсутствие омонимии личных форм глагола во всех временных формах индикатива и конъюнктива (претерит: *ornabam* — *ornabas* — *ornabat* — *ornabamus* — *ornabatis* — *ornabant*; перфект: *ornavi* — *ornavis* — *ornavit* — *ornavimus* и т. п.; плюсквамперфект: *ornaveram* — *ornaveras* — *ornaverat* — *ornaveramus* и т. п.; *si tacuís ses*, «если бы ты молчал»). В русском языке форма прошедшего времени никак не указывает на лицо, совершающее то или иное действие: я /ты/он читал, мы/вы/они читали; в будущем вре-

мени русский глагол обладает словоизменительной парадигмой, члены которой последовательно противопоставлены друг другу как и в презентной парадигме: прочитаю — прочитаешь — прочитает и т. п.; будут читать — будешь читать — будет читать и т. п.

В немецком языке морфологические оппозиции в глагольной парадигматике в основном достаточно последовательны. Однако в ней появляются некоторые омонимичные звенья; ср. *ich mache* — *du machst* — *er macht*; *wir machen* — *ihr macht* — *sie machen*.

Английскому языку омонимия личных форм глагола свойственна в еще больших масштабах, чем русскому и немецкому. Презентная форма глагола представлена в нем лишь одним эксплицитным маркером, а остальные четыре формы омонимичны: *I/you/we/they write* : *he/she/it writes*. А в претеритальной форме (*past simple*) мы имеем полную омонимию всех личных форм, то есть нет ни одного морфологического маркера лица и числа, личные формы глагола представлены голой основой: *I/you/he/she/it/we/they wrote*. Подобное явление наблюдается также в формах будущего времени.

Особо выделяется в этом отношении французский язык, в котором в ед. ч. глагольные формы графически противопоставлены лишь частично, а именно: 1-е лицо и 2-е лицо ед. ч. являются омографами, которые графически противопоставлены 3-му лицу ед. ч.: *j'écris* «я пишу» — *tu écris* «ты пишешь», но *il/elle écrit*. Все три формы произносятся одинаково, то есть являются омофонами. Во мн. ч. формы всех трех лиц противопоставлены друг другу как графически, так и фонетически: *nous écrivons* — *vous écrivez* — *ils/elles écrivent*. Омофония свойственна формам ед. ч. также при образовании имперфекта (*imparfait*) индикатива и презенса условного наклонения (*conditionnel*): *je parlais* — *tu parlais* — *il parlait*; *je parlerais* — *tu parlerais* — *il/elle parlerait*.

Следовательно, в английском и французском языках личные формы глагола и личные местоимения образуют разновидность аналитических форм. То же самое явление наблюдается в парадигме прошедшего времени русского глагола.

Глагольная парадигматика в татарском языке резко противопоставлена парадигматическим рядам индоевропейских и прежде всего германских языков. Глагольные основы в татарском языке не подвержены каким-либо изменениям, а гласный варьирует в соответствии с законом сингармонизма, свойственным тюркским языкам.

Наиболее существенной отличительной чертой татарского глагола в плане структуры словоизменительных парадигм является четкая противопоставленность звеньев парадигматических рядов и отсутствие омонимии между синтетическими маркерами. Так, в личной парадигме презенса нет ни одного случая омонимии: мин алам «я беру», ул ала «он/она берет», без алабыз «мы берем», сез ала-сыз «вы берете», алар алалар «они берут». Такая же четкая морфологическая дифференциация личных форм наблюдается в формах прошедшего времени; ср. прошедшее определенное: мин алдым «я взял», ул алды «он/она взял (взяла)», без алдык «мы взяли», сез алдыгыз «вы взяли» и т. д.

Таким образом, парадигматические ряды глаголов в татарском, как и в других тюркских языках, характеризуются четкой противопоставленностью в формальном отношении, что обуславливает их относительную независимость от личных местоимений. О характере взаимодействия личных местоимений и личных окончаний башкирского глагола Н. К. Дмитриев писал: «Личные местоимения для башкирского (и для других тюркских) не является обязательной принадлежностью, так как лицо уже выражено аффиксом. Поэтому личное местоимение ставится перед соответствующими глагольными формами гораздо реже, чем в русском языке. Обычно это происходит тогда, когда на личных местоимениях стоит акцент, обусловленный их логическим противопоставлением» [4. С. 133].

Отсутствие личных местоимений в татарском и латинском языках во всех временных формах глагола и в личных формах настоящего времени в русском языке не создает какие-либо коммуникативные двусмысленности и помехи, в то время как в английском, немецком и французском языках отсутствие личных местоимений в качестве субъектов встречается редко; ср.:

• *рус.* — *Говорят*, что он... деньги будто бы получил за то, что так радушно принял у себя этого безумного философа.

— *Получит*, — тихонько поправил Пилата начальник тайной службы (Булгаков);

• *англ.* “*They say... that he is supposed to have been paid for the way he took that idiot home and made him so welcome*”.

“*Will be paid*”, corrected the visitor gently.

Ср. далее:

• *рус.* — Член правления Пятнажко? — спросил у сидящего вошедший (Булгаков);

• *англ.* “*Are you Pyatnazko of the management committee?*” said the stranger;

• *нем.* „*Leitungsmitglied Pjatnashko?*“ fragte der Eingetretene;

• *фр.* — *Pjatnajko, member du comité de gérance? demanda le nouveau venu...*

Итак, по степени факультативности употребления личных местоимений в сочетании с личными формами глагола языки могут быть расположены в такой последовательности:

• Латинский язык, в котором употребление личных местоимений является исключением и встречается только при их логическом противопоставлении: *Paene ille timore, ego risu corrui* (Он чуть не упал от страха, я — от смеха) [7. С. 128]; для латинского языка характерны предложения типа: *Cogito, ergo sum* (Мыслию, следовательно, я существую), *Discimus dum docēmus* (Мы учимся пока обучаем); *Dum spiro, spero* (Пока я дышу, я надеюсь), *Veni, vidi, vici ...* ([Я] Пришел, увидел, победил).

• Тюркские языки занимают в этом отношении промежуточное положение между латинским и другими индоевропейскими языками.

• В русском языке представлена разноречивая картина: в одних временных формах личные местоимения факультативны, в других — обязательны.

• В четвертой группе языков (английском, немецком и французском) личные местоимения и личные формы глагола следует рассматривать как аналитические формы.

В этом ряду латинский и французский языки образуют два противоположных полюса.

Личные местоимения могут входить в синонимические отношения как внутри одного разряда, так и с единицами других разрядов. Так, в определенных дискурсах, особенно в разговорной речи, вместо местоимений *ты, вы* в целях установления доверительных отношений с коммуникативным партнером употребляется местоимение 1-го лица мн. ч., что обычно наблюдается в обращении врача к больному, учителя к ученикам; ср. *рус.* Ну, как мы сегодня себя чувствуем? Что нас беспокоит?; *нем.* Nun, wie fühlen wir uns heute?; *англ.* How are we feeling this morning, Mrs. Shaw? (обращение к пациенту). Now, do we all have notebooks and pencils? (обращение учителя к ученикам) [17. С. 1686—1687]; *фр.* Comment allons nous? (Как наши дела? Как идут наши дела?)

К особым случаям следует отнести жанровую синонимию именно употребления местоимения мн. ч. «мы» вместо личного ед. ч. «я» в научных статьях, докладах, выступлениях, что принято называть *pluralis modestiae* «мн. ч. скромности», наоборот, употребление формы *мы* получившей название *pluralis majestatis* «королевское мы» (*the royal we, le plural de majesté*) [10].

Синонимия между местоимениями разных разрядов, как правило, контекстуально обусловлена; ср.:

- *рус.* О, нет! Это *кто* (неопределенное местоимение в значении кто-то, кое-кто) может подтвердить... чрезвычайно уверенно отозвался профессор... Дело в том... что я лично присутствовал при этом... (синонимы: *кто* и *я*) (Булгаков);

- *нем.* О, doch! Das kann *einer* (неопределенное местоимение) bestätigen! antwortete der Professor sehr überzeugt... Die Sache ist die... daß *ich* bei allem persönlich dabei war... (синонимы: *einer* и *ich*);

- *фр.* Oh si! *Quelqu'on* (кое-кто) peut confirmer! répliqua le professeur... Le fait est... que j'ai assisté personnellement à tout cela (синонимы: *quelqu'on* и *je*).

Список литературы

1. Бабаян М. А., Флерова Н. М. Практическая грамматика французского языка. М.: Внешторгиздат, 1964.
2. Бектурова А. Ш., Бектуров Ш. К. Казахский язык. Алматы, 2004.
3. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981.
4. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М., 1947.
5. Мурысов Р. З. Типология глагола в разноструктурных языках: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011.
6. Мурысов Р. З., Савельева Л. А. Периферийная зона системы частей речи (контрастивно-типологическое исследование): монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019.
7. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. СПб., 1998.
8. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань, 1997.
9. Alexander L. G. Longman English Grammar. London; New York, 1999.
10. Collins. Robert French Dictionary. French-English. English-French Dictionary. Glasgow, 2010.
11. Dictionnaire de linguistique. Paris: Librairie Larousse, 1973.
12. Duden. Bd. 4. Die Grammatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2005.
13. Grammatik der deutschen Sprache in 3 Bänden. Berlin; New York, 1997.
14. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1981.
15. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Leipzig; Berlin; München; Wien; Zürich; New York: Langenscheidt. Verlag Enzyklopädie, 1996.
16. Longman. Grammar of Spoken and Written English. London, 2000.
17. Macmillan English Dictionary. London, 2006.

Источники

18. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М., 1973.
19. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Paris, 2005.
20. Bulgakow M. Der Meister und Margarita. Aufbau-Verlag. Berlin und Weimar, 1983.
21. Bulgakov M. The Master and Margarita. London: The Harvill Press, 1996.

Сведения об авторе

Мурысов Рахим Закиевич — доктор филологических наук, профессор, кафедра немецкой и французской филологии факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, Уфа, Россия. frgf@bsunet.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 81—87.*

PERSONAL PRONOUNS IN THE LANGUAGE SYSTEM

R. Z. Muryasov

Faculty of Romance and Germanic Philology, Bashkir State University, Ufa, Russia. frgf@bsunet.ru

The article analyzes the grammatical features of pronouns in some Indo-European (Latin, Russian, English, German, French) and Turkic (Bashkir, Tatar) languages. The author shows the inconsistency of the Latin term *pronomen*, which was borrowed by all Romance and Germanic languages and which in linguistic studies was considered unsuccessful and led to the emergence of new terms: *pro-forms* in English, *Pro-Formen*

and Pro-Wörter in German, etc. The article presents the paradigmatic characteristics of personal pronouns in each of the compared languages, reveals grammatical oppositions in the declinatory paradigm: direct case: indirect cases, direct object: indirect object, in the category of numbers, significant differences between languages in the formation of forms of plural from pronouns 1 and 2 persons, on the one hand, and 3 persons on the other. Special attention is paid to the use of personal pronouns with personal forms of the verb in different time paradigms, namely, to demonstrate the similarities and differences in their obligatory and facultative use. The author states that Latin and French form two extreme opposite poles. On the one hand, the verbal paradigms of English and French are dominated by homonymous forms, the attribution of which to a particular person can only be established in combination with a personal pronoun, unambiguous predictability of the personal pronoun by inflections of personal verb forms in Latin, on the other hand.

Keywords: *field structure of parts of speech, level status of pronouns, paradigmatics of pronouns, obligatoriness-electivity of personal pronouns.*

References

1. Babayan M. A., Flerova N. M. (1964) *Prakticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Practical grammar of French]. Moscow [in Russ.].
2. Bekturova A. Sh, Bekturov Sh. K. (2004) *Kazakhsky yazyk* [Kasakh Language]. Almaty [in Russ.].
3. (1981) *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern literary Bashkir language]. Moscow [in Russ.].
4. Dmitriev N. K. (1947) *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Grammar of Bashkir language]. Moscow [in Russ.].
5. Muryasov R. Z. (2011) *Tipologiya glagola v raznostrukturnykh yazykakh* [Verb typology in different structure languages]. Ufa [in Russ.].
6. Muryasov R. Z., Savelieva L. A. (2019) *Periferijnaya zona sistemy chastej rechi (kontrastivno-tipologicheskoe issledovanie)* [Periphery zone of parts of speech system] (contrastive and typological research). Ufa [in Russ.].
7. Sobolevsky S. I. (1998) *Grammatika latinskogo yazyka* [Latin grammar]. St. Petersburg [in Russ.].
8. (1997) *Tatarskaya grammatika. T. II. Morfologiya* [Tatar grammar. Vol. II. Morphology]. Kazan [in Russ.].
9. Alexander L. G. (1999) *Longman English Grammar*. London, New York.
10. (2010) Collins. *Robert French Dictionary. French-English. English-French Dictionary*. Glasgow.
11. (1973) *Dictionnaire de linguistique* [Linguistic dictionary]. Paris, Librairie Larousse [in French].
12. (2005) Duden. Bd. 4. *Die Grammatik* [Grammar]. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverlag [in German].
13. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache* [Grammar of German]. In 3 Bänden. Berlin, New York [in German].
14. (1981) *Grundzüge einer deutschen Grammatik* [Basics of German grammar]. Berlin, Akademie-Verlag [in German].
15. (1996) Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik* [German Grammar]. Leipzig, Berlin, München, Wien, Zürich, New York, Langenscheidt. Verlag Enzyklopädie [in German].
16. (2000) Longman. *Grammar of Spoken and Written English*. London.
17. (2006) Macmillan English Dictionary. London.

Sources of material

18. Bulgakov M. A. (1973) *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Moscow.
19. Boulgakov M. (2005) *Le Maître et Marguerite*. Paris.
20. Bulgakov M. (1983) *Der Meister und Margarita*. Aufbau-Verlag. Berlin und Weimar.
21. Bulgakov M. (1996) *The Master and Margarita*. London, The Harvill Press.